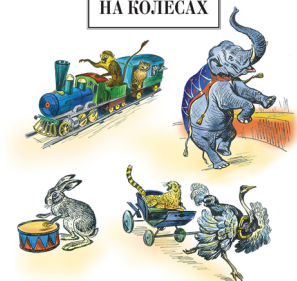

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Наталья Дурова
**МОЙ ДОМ
НА КОЛЁСАХ**

Наталья Юрьевна Дурова
Мой дом на колёсах (сборник)
Серия «Школьная библиотека (Детская литература)»

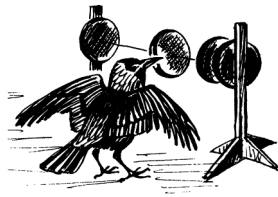
*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7936648
Дурова Н. Ю. Мой дом на колёсах : рассказы: Детская литература; Москва; 2007
ISBN 978-5-08-004213-3*

Аннотация

В книге рассказывается о животных – артистах цирка и театра зверей, показана огромная работа дрессировщиков, их любовь к своим питомцам, затрагиваются экологические проблемы.

Содержание

К читателям	5
Мой дом на колёсах	8
Мой дом на колёсах	8
Кто в тереме живёт	10
Как появилась у меня звериная семья	12
Журик и Индя	17
Чичи – доброе сердце	20
Новенькая	26
Невкусная отметка	29
Чрезвычайное происшествие, или Чичи-проказница	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Наталья Дурова

Мой дом на колёсах

© Дурова Н. Ю., 1993

© Орлеанская С. В., предисловие, 2007

© Извозчикова Л. В., рисунки, 1993

© Оформление серии. ОАО «Издательство «Детская литература», 2007

К читателям

Книга, которую вы держите в руках, называется «Мой дом на колёсах».

Почему она так названа, что это за дом на колёсах, кто в нём живёт? И кто написал эту книгу?

Дом на колёсах – это большой товарный вагон, в котором живут какое-то время необыкновенные артисты – дрессированные животные, переезжающие из города в город, выступающие в разных цирках нашей страны и за рубежом. Эти артисты показывают своё искусство, неся радость зрителям – детям и взрослым.

Дом этот часто меняет адрес, но название у него всегда одно, оно чётко написано мелом на стенках вагона: «Цирк России». Ниже добавлено: «Осторожно: живность!»

Пассажиры в этом доме могут быть разные: и попугаи, и кабаны, и обезьяны, и калифорнийские морские львы, и лисички-сибирячки, и голуби, и вороны, и кошки, и собачки, и многие другие артисты-путешественники.

Хозяева этих животных, дрессировщики, едут вместе со своими питомцами и должны быть внимательны и чутки к ним. Одним нужно тепло, другим – прохлада. Кто-то испугался толчка вагона и скрежета колёс, занемог от качки, тяжело вздыхает или жалобно пищит. У кого-то болит от ушиба лапка... И дрессировщики должны всё замечать. Они для своих питомцев и добрая няня, и заботливая мама, и опытный доктор. Им нередко приходится переставлять клетки, чтобы всем питомцам было спокойно, тепло и удобно. Дрессировщики терпеливо занимаются с ними, добиваясь, чтобы «артисты» хорошо считали, прыгали, жонглировали, пели, танцевали и т. д.

У каждого животного есть своя история. Вот озорная зелёная мартышка Чичи решила стать слесарем-водопроводчиком и чуть не устроила аварию. А это индюки Журик и Индя, великолепный домашний инкубатор. У них своя занятная история – это подарок цирку скромного белорусского милиционера.

Есть в цирке особая школа – школа зверей. В ней учатся умный грач Кара, мудрая лисичка Дымка, дружные еноты Тяпа, Ляпа и Мишка, заботливая кошечка Кисоль...

Прочитав рассказы, вы узнаете об удивительной дружбе природных врагов – ежа и мышонка, познакомитесь с единственным в мире дрессированным моржом Витей-Витязем, полюбите Чебурашку – лемурчика из Конго, надолго запомните ламу Петьку, его заботу о пеликанах и слонах, и многое другое.

В этой книге быть и сказка живут рядом, а люди и животные разговаривают на языке добра, доверия и понимания. В каждом рассказе – чуткость, нежность и любовь людей к нашим братьям меньшим, забота о них, знание их природы и психологии.

В разделе «Советы юным дрессировщикам» автор мудро, доходчиво и подробно объясняет, как можно самим работать с животными. Дрессировать, оберегать их, вместо того чтобы мучить и обижать. И в любом дворе, где живут ребята, доступно создать свой театр зверей и сломать ту жестокость по отношению к животным, которая у детей пока ещё идёт не от сердца, а от избытка энергии. В повести «Большой театр «Малышка»» рассказывается, как на юго-западе столицы, в одном из дворов, был создан такой театр самими ребятами.

Написала все эти и другие интересные истории Наталья Юрьевна Дурова, известная писательница, талантливая дрессировщица зверей и птиц, народная артистка СССР и России, лауреат Государственной премии СССР и многих других премий. Она – академик Российской академии естественных наук, главный режиссёр театра зверей «Уголок дедушки Дурова». Н. Ю. Дурова щедро наделена разнообразными дарованиями и имеет мировую известность. Это подтверждается всеми её должностями, званиями и наградами.

Дурова – внучка знаменитого артиста Владимира Леонидовича Дурова, клоуна-сатирика, учёного. Он создал особый, безболезненный, метод дрессуры животных. Это первый артист цирка, получивший в 1927 году звание заслуженный артист республики. Им был создан и подарен детям замечательный волшебный Уголок. Владимир Леонидович – основатель целой династии цирковых артистов Дуровых, автор научных и художественных книг для детей и взрослых.

Н. Дурова

Родилась Наталья Юрьевна Дурова 13 апреля 1934 года в семье потомственных артистов цирка. Отец её – Юрий Владимирович Дуров, народный артист СССР. Мама, Зинаида Тимофеевна Дурова, артистка цирка, помогала своему мужу.

Старинный дворянский род Дуровых насчитывает около шестисот лет. Это наша гордость, славная история. Военное искусство в этой семье успешно сочеталось с литературным. Широкую известность получил поэт-петрашевец Сергей Фёдорович Дуров и женщина-воительница Надежда Андреевна Дурова, героически сражавшаяся с французами в войне 1812 года, потом создавшая свою знаменитую книгу «Записки кавалерист-девицы».

По семейной традиции, Дурова работать начала рано. Впервые на цирковой манеж она вышла со своим отцом, когда ей было четыре года. В дальнейшем работала уже самостоятельно, создавая собственные номера, вошедшие в золотой фонд российской культуры.

С ранних лет она находилась то на манеже, то в конюшне, то в клетках. Однажды даже была обнаружена в вольере белого медведя, в гостях у самого свирепого хищника.

Дурова с детства кочевала с родителями по всей стране, сопровождала животных в товарных вагонах, в теплушках.

Наталья Юрьевна получила образование ветеринара-диагноста, после окончания школы в 1951 году поступила в Литературный институт им. А. М. Горького, стала членом Союза писателей СССР. Ею написано более тридцати книг для детей и взрослых, не считая переводов книг писателей разных народов. Она пишет сценарии спектаклей для театра зверей, ею создано много сценариев документальных фильмов, диафильмов.

Она работала и работает с самыми разными животными. И даже с такими, с какими до неё никто не выходил на арену цирка. Вот некоторые из них: рысь, кинкажу, носуха, цапля.

Обладая необычайной силой воли и мужественным характером, она может смело войти в клетку к хищнику.

Писать она стала рано именно о том, что хорошо знает и любит, – о цирке, о людях, которые там служат, о животных, с которыми её связали работа и путешествия. Наталья Юрьевна рассказывает, как училась понимать повадки животных, бережно обращаться с ними, дрессировать по дедушкиному методу. Она пишет о гастролях с животными не только по России, но и по всему миру, говорит о том, какими качествами должен обладать человек, чья профессия связана с дрессировкой зверей и птиц, сколько мужества и самообладания нужно тому, кто работает с хищниками.

Эти качества понадобились Дуровой при самостоятельной работе с гепардом Каем. В Хабаровске на арене цирка юная дрессировщица была ранена рысью, но нашла в себе силы закончить номер, несмотря на боль. Об этом случае вы прочитаете в рассказе «Котька».

Поездки на БАМ, по Кавказу, гастрели по городам Сибири, Урала, в республики Средней Азии, в Прибалтику давали ей богатый материал для создания полноценных художественных произведений.

Первая книга, «Гибель старого Ямбо», появилась в 1953 году, а вторая – «Ваш номер» – включена в программу обязательного чтения школьников.

Дурова – страстный пропагандист классической и современной литературы. Она ежегодно участвует в проведении Недели детской книги, различных презентациях, живо интересуется творчеством молодых писателей.

Жизненная позиция Натальи Юрьевны Дуровой заключена в названии её двухтомника «Я с жизнью в прятки не играю», вышедшего в 2001 году.

Особое место в творчестве Дуровой как писателя занимают эссе, глубокие философские размышления о жизни, о взаимоотношениях людей и животных, о природе, об экологии, о воспитании доброты и благородства, о судьбе детей. В эссе «Зимний соловей» Наталья Юрьевна пишет: «О, как мне хочется остаться доброй волшебницей в жизни любого малыша, чтобы помочь ему ощутить в себе Человека, сознающего свой долг перед Землёй, где родился, которую должен спасти, защитить и потом цветущей передать входящим в мир малышам других поколений».

Совсем недавно вышла её фотокнига о любви бегемота Мушкетёра и слонихи Маши.

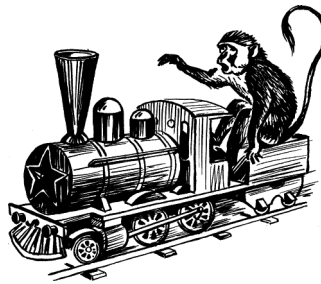
Наталья Юрьевна занимается благотворительной деятельностью, она стремится облегчить жизнь детей, старых актёров, инвалидов. Бесплатные спектакли, материальная помощь, выезды в детские дома и интернаты, больницы – далеко не полный перечень её работы. Все премии, которыми она была награждена, были переданы безвозмездно в Фонд мира и Детский фонд.

В настоящее время, помимо каждодневной работы, Наталья Юрьевна, актриса, руководитель, писательница, занимается воплощением в жизнь мечты всей цирковой династии Дуровых – созданием уникального «Храма детства» для комплексного воспитания подрастающего поколения.

В своих произведениях Дурова охотно делится с вами секретами своей работы. Попробуйте дрессировать домашних животных сами, а главное, любите их, заботьтесь о них, помните уроки Натальи Юрьевны Дуровой – уроки настоящей человечности, духовности и доброты.

С. В. Орлеанская

Мой дом на колёсах

Мой дом на колёсах

Мой дом на колёсах. Совсем не потому, что, мешая течению улицы, он должен быть передвинут. Нет-нет, колёса, четыре больших колеса, – его фундамент. А улица у него зелёная. Это значит – прямой путь, без задержки, по всем дорогам нашей Родины.

Мой дом – большой товарный вагон, и живут в нём живые чудеса. Он часто меняет свой номер и адрес, и только фамилия всегда чётко написана мелом по вагонным доскам: «Цирк России». А ниже добавление: «Осторожно: живность!»

Я нисколько не обижаюсь, что так выглядит моя прописка, ведь здесь всё своё, особенное, не такое, как обычно в любом доме, в любом дворе. Вместо сторожа – башмачник и стрелочник, которые охраняют наш покой. Башмачник подкладывает под колёса железный башмачок, чтобы не было сильного толчка, а стрелочник следит за правилами движения. Вместо домоуправа – диспетчер, и часто откуда-то издалека по микрофону я слышу: «Вагон такой-то, цирк, готов к подаче. Отправляю!» Вслед за этим обязательно кто-то постучит в вагонную дверь и скажет:

– Эй, звери, слышите? Отправляем!

– Слышу, – улыбаюсь я, отвечая за обитателей своего дома.

Паровозный гудок, равномерная цепочка толчков от вагона к вагону – и мы в пути. Днём от быстрого движения поезда мне кажется, что мой дом играет с солнцем в прятки. Под вечер, когда солнце уже устало, запутавшись в телеграфных проводах, словно отстаёт от нас, в синеве за поворотом появляется луна. Она тоже бывает разная: то острый тоненький серпик, то яркий пристальный глаз морского льва, не мигая глядящий в оконца нашего дома на колёсах. И то ли потому, что луна похожа на глаз Леля – так зовут моего морского друга, – то ли потому, что на луне давно обнаружены лунные цирки, я всегда к этой планете отношусь с нежностью. Да и то, что я хочу вам рассказать о жизни своего забавного дома, может быть, что-то внесёт новое в представление о цирке, таком ярком, праздничном, каким

вы его привыкли видеть всегда, как я – луну. Однако невидимая сторона жизни луны пока доступна лишь самым удивительным на свете людям – космонавтам – и точным приборам.

Итак, мой рассказ о невидимой жизни дома на колёсах – товарного вагона с фамилией «Цирк России», который доступен и понятен мне, ведь я здесь родилась.

Кто в тереме живёт

Всё как в сказке – терем-теремок. Кто живёт в моём доме? Африка и Север, юг Калифорнии и Сибирь.

Африка – это обезьянка шимпанзе Пупа, Север – громадный морж Василиса, юг Калифорнии – трио морских львов, Сибирь – лисичка Дымка. И много разных зверюшек, птиц, чьи биографии здесь начинаются с географии. Ну естественно, такой дом-общежитие – самое трудное, многоголосое, почти невозможное для жизни вместе в теремке.

Тепла желает Пупа, кутаясь в шерстяной плед и обиженно вытягивая трубочкой губы. «У-у! У-ук!» – слышу я, понимая в переводе на человеческий язык: «Зябну!»

Моментально растапливаю печурку. Тогда с другого конца раздаётся глубокий длинный вздох, похожий на гулкий порыв ветра в пургу, – это Василиса возмущается. Ей жарко, тяжело дышать, и мне срочно приходится заново перестраивать теремок, словно я из детских кубиков строю на ходу поезда новый дом.

Клетка влево, клетка вправо: для одних тепло – радость, для других – бедствие. Иной раз я призываю себе в помощь ветер и солнце. Подул ветерок, разогнал облачко дыма от печки и заставил трепетать ноздри у всех моих домочадцев. Раздаются шипение, вздохи и чих, но все довольны обдавшей их свежестью воздуха. Солнце в пути становится для нас доктором Айболитом. Кто испугался толчка вагонов или скрежета колёс на рельсах, кто занемог от качки в пути, тот тянется к солнечному лучу, забывая все неприятности переезда, а мне, словно при прожекторе, становится заметно то, чего я не увижу при несмелом колеблющемся пламени свечки.

Правда, ночью, когда мимо оконца пролетают десятки станционных огоньков или сотни городских, напоминая ёлочные гирлянды лампочек, а в моих клетках загораются свои огоньки, а в иных лишь по шороху я чувствую обитателя, я не сразу зажигаю свечку. Так мне вдруг начинает казаться, что я попала сразу и в лес, и в поле, и ещё далеко-далеко, где нет берегов, только вода, только светящиеся фосфорическим нежно-зелёным светом точки глаз морских животных. Я как бы попала в огромный океан. Это он прячет свои тайны и в ракушках, и в рыбёшках, и в морских звёздах, и в ежах, и, конечно, в тех львах и моржах, что со мной в пути.

Свет свечи в фонаре чуть гасит настороженную яркость глаз моих питомцев и возвращает меня к действительности. Я – дрессировщик. Везу животных на гастроли, ведь они артисты, те самые ожившие игрушки: обезьянка, собачка, лисичка, ворона, голубь, морж, лев, которым вы аплодируете в цирке. Они желанные, добрые спутники радости и детства. Я думаю об этом, решая вам рассказать по порядку историю каждого из них. Кто знает, быть может, это кроме ваших улыбок и хлопков принесёт им ещё ваше уважение и чуткость, и

тогда, я верю в это, вы полюбите лес и море, поле и горы настолько, насколько дороги они и мне.

Как появилась у меня звериная семья

– Кем ты хочешь быть? – спрашивали меня, когда я была маленькой.

– Дрессировщицей! – без промедления был ответ. И это было понятно: в семье все дрессировщики, не отставать же и мне в свои шесть лет.

Тогда у меня были друзья детства – звери и птицы большой, разношёрстной, разнопёрой семьи моего отца. Каждый дрессировщик имеет такую семью. Чаще всего семьи эти состоят из братьев меньших, населяющих нашу планету. Грозные цари саванн – африканские львы или нежные говорливые попугаи, весельчаки медведи или почти игрушечная копия табуна грациозных лошадок. В цирке с давних пор такой табун принято называть конюшней дрессированных лошадей.

Всё, конечно, зависит от характера и привязанностей дрессировщика. Но мои родители Дуровы отличались от всех тем, что семья животных состояла из такого множества разных существ, что мне очень трудно было определить, кого же я, когда вырасту, возьму в свою семью. Тогда я любила всех подряд: и зайца, и слона, и собаку, и свою личную морскую свинку. Морской она только называлась, а на самом деле была самой сухопутной и поэтому утонула в корытце с водой, из которого я сделала ей море. Теперь я понимаю, что морская свинка погибла из-за меня, а тогда, плача, я говорила:

– Папа, отчего так случилось? Может быть, я не так сделала море и оно оказалось злым? Отчего?!

– Бедная моя Наташа! Каждое животное – загадка. Отгадать её непросто. Нужно очень много учиться. Вот подрастёшь и узнаешь, кому же действительно здесь, в цирке, нужно море и к кому оно становится злым. А пока, чтобы ты так не плакала и старалась меньше ошибаться, я дарю тебе два моря. Одно настоящее – оно здесь, в этой раковине с Курильских островов. Послушай, как шумит. Должно быть, там волны, шторм, прибой. Впрочем, ты никогда ещё не видела моря. Научись его сначала чувствовать в этой раковине, и я покажу тебе настоящее, чтобы эти слова стали тебе понятны. Второе море ты попробуешь сделать сама – вот аквариум с рыбками. Постарайся, чтобы теперь море не было злым и рыбкам там было уютно жить.

С первым детским горем пришла ко мне мечта, которая поселилась в раковине с Курильских островов. Много лет я хранила её, потому что она и определила, кто же будет главным в моей звериной семье. Конечно, морские животные! На бумаге семья уже называлась: «Аттракцион „Морские львы и морж“». Пока же нас было только двое: я и малыш Лель – морской лев, получивший в шутку паспорт: Лель Натальевич Дуров-Калифорнийский. С него-то всё и началось.

Под Москвой, на станции Планерная, есть база Зооцентра. Что это такое? Почти как зоомагазин. Сюда из всех уголков земного шара прибывают зверюшки и птицы. Зообаза похожа на пансионат для зверей. Здесь они ожидают путёвку в жизнь, которую будут вести дальше. Одни станут украшением зоопарка, другие пополняют юннатские уголки, третьи

будут получать образование в цирке, а четвёртые совершат свой подвиг в научно-исследовательском институте.

На Планерную я попала из-за Леля. Я очутилась там потому, что Лелю срочно нужно было найти товарища. И вот в Подмоскovie прилетело существо, которое ещё несколько недель назад ощущало только небо над головой. И небо с солнцем всегда отражались в океане, когда не было волн. Тогда морской львице было спокойно и уютно в том доме, где она родилась, как рыбкам из моего детства. Дом, конечно, берег Калифорнии, а место жительства – море. Львица умела плавать, но летать... Однако она совершила свой первый полёт. Вернее, перелёт. Прилетела, чтобы стать подружкой Леля, и тотчас получила у меня красивое имя – Купава.

На Планерную я приехала рано утром. Зообазы-пансионат выглядела приветливо. Я увидела коттеджи для слона и бегемота, для моржа и тигра, для волнистых попугайчиков и для страуса эму. Интересно было наблюдать всех обитателей странной гостиницы. Кто-то резвился, кто-то грустил. Купава грелась на солнце. Для лучшего знакомства с ней я привезла с собой филе трески. И, очень вежливо представившись, решила её угостить.

– Знаете, дорогая моя, вам привет от Леля и гостинец от меня.

Шоколадного цвета львица скосила на меня глаза. Вид у неё был очень серьёзный.

– Да-да. На человеческом языке с вами разговаривать нельзя. Не понимаете?! Тогда жестами. – И я точно так же, как в детстве камешки, бросила ей кусочек трески в воду.

Он шлёпнулся мягко, и всё же от него стали расходиться медленные зыбкие круги. Львица недовольно заёрзала на деревянной решётке, напоминающей пол в душе.

– Простите меня, пожалуйста. Виновата. Моя рыба прекрасно очищена, ведь вы так никогда не ели в море. По запаху – рыба. Я вижу, что вы это чувствуете. Так! А по виду? Вы правы! Когда мне однажды предложили вкуснейший наваристый суп, я его съела, а потом так же, как вы сейчас, застыла в ужасе. Суп был из лягушек. Вам надо просто салаку или селёдку.

Слушая наш односторонний разговор, так как я говорила, а львица выжидающе молчала, ветврач улыбнулась и сказала:

– Мы предугадали ваше желание. На кормовой кухне уже готов для этой красотки завтрак. Как её теперь зовут?

– Купава!

Львица вздрогнула и быстро побежала от нас прочь. Шоколадная шкурка в движении вдруг сделалась перламутровой. Шла львица легко. Её точёная головка с миндалевидными глазами была запрокинута в нашу сторону.

– Ну зачем же так пугаться? Ведь волнуемся-то мы вместе. Сейчас я исправлю свою ошибку.

Теперь уже с полным тазиком рыбы я перед обаятельной Купавой. Начинаем кокетничать. Рыбка у меня в руке, я держу её за хвостик. Скользящая, серебряная, она колыхается при движении и кажется живой.

– Р-раз! Вот это бросок! В самый дальний конец бассейна. Придётся вам нырнуть.

Никакой реакции. Тревога вытеснила у Купавы аппетит.

– Ну что ж! Я подожду до обеда. Буду сидеть как вкопанная, чтобы вы меня не боялись и привыкали.

Купава следила за каждым моим жестом. Так прошло около часа. Потом ей, видимо, надоело сидеть без движения, она приняла иную позу. Осанка её была гордой. Пренебрежительно окинув меня быстрым, словно выстрел, взглядом, львица подняла задний лап и стала почёсывать шею. Лап длинный, согнутый так, что сразу стали заметны продолговатые коготки, очень напоминая красивую кисть человеческой руки.

– Вы решили заняться туалетом! А мне что прикажете делать? Понятно – молчать. Если я буду молчать и покажусь вам булыжником или дорожным столбом, вы меня перестанете бояться. Договорились. Итак, я – скала. Только жаль, что морю и камню вы верите, а человеку нет.

Ещё час. У меня уже давно было желание шевельнуться – устала спина от игры в окаменелость. Но я этого не сделала, увидев её мордочку прямо перед собой. Желтоватые усы как у кошки, только впечатление, что они из толстой капроновой нитки.

Купава стала лениво почёсывать усы о решётку возле меня. Быстро-быстро я наклонилась к тазу с рыбой. Бросок – и салака всплывает в бассейне. Львица не отходит. Тогда, осмелев, я снова продолжаю вести разговор:

– Послушайте, ведь вы же в море ловили рыбу. Вот такую – да?!

Снова взмах – и рыба в воде. А за нею всплеск. Вынырнув, Купава уже не была шоколадной. Чёрный маслянистый глянец обтянул её веретенообразное туловище, и два маленьких, точно едва намеченных, рога проклюнулись в прилипшем, смоченном ворсе – это ушки. Я настолько увлеклась, что даже и не заметила, как опустел тазик. Знакомство состоялось наполовину. Придётся бежать опять на кухню, чтобы попробовать покормить незнакомку прямо с рук.

Теперь я могла себе позволить отдохнуть и поинтересоваться окружающими. В загоне нервно разгуливал страус. Ему, по-видимому, мешали разворковавшиеся сизые дики голуби. Я пошла дальше. Вдруг мне показалось, что загон припорошен снегом. Снежная позёмка при моём появлении взметнулась и беспорядочно, словно тронутая ветром, закружилась по вольеру. Совсем не снег, да и откуда ему взяться в разгар лета. Целое стадо маленьких трепещущих косуль испуганно металось по вольеру.

– Глупыши, я вас не трону, только полюбуюсь. Какие хрупкие, ломкие ножки! Какие быстрые, летящие прыжки!

– Ломкие? Что верно, то верно, – услышала я голос ветврача. – Вчера один допрыгался...

Сразу за голубями был маленький вольер – закуток, огороженный сеткой. Косулёнок лежал, подобрав под себя ноги. Он смотрел на меня без испуга, с какой-то затаённой болью и часто-часто моргал, подтверждая своё сходство с Бемби. На спине тёмная полоска, а за ней по бокам многообразие белых пятнышек, только издали похожих на снежную порошу.

– Бемби! – Я протянула к нему руку.

Он доверчиво прикоснулся к ней своим лаковым носиком и жарко задышал.

– Хочешь пить! А где же вода?

– Ему уже это не нужно... – вздохнула ветврач. Она вдруг показалась мне озабоченной, усталой. – Пойдёмте. Жаль, но что поделаешь!

– Как это – не нужно! Он же просит, просит...

– Ему помочь трудно. Но он должен помочь питону!

Змея, растянувшаяся, как пожарный шланг, была страшна в своей дремучей силе и отвратительности.

– Питон должен вот-вот полинять, сбросить шкуру.

О, я знаю, как раздеваются питоны. Будто раздваиваются, снимая с себя шкуру, как чулок.

– Доктор, помогите!

– Что с вами?

– Не мне, а Бемби. Я заплачу за него деньги, я сделаю всё, только чтобы он не стал живым завтраком.

– Вы же дрессировщица!

– А вы ветврач. Вы должны быть доброй. Ну пожалуйста, прошу вас! Разве можно губить красоту? Доктор!

Из тазика от рыбы я зачерпнула ладошкой воды. Невкусная, пахнущая рыбой, она доставила Бемби такое удовольствие, что звонкое, как капель, причмокивание заставило нас с ветврачом переглянуться.

– Уговорили. Из-за вас совершаю преступление по должности. Но как же мне его вам оформить?

– Как члена моей семьи.

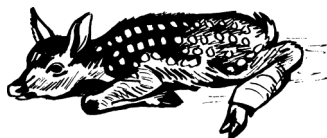
– Знаю! Это для сердца, а вот для бухгалтерии... Кем он был? Живым завтраком? Кем он стал, раз он списан на корм?

– Живым, весомым доказательством вашей доброты, доктора из санатория зверей и птиц – зообазы на Планерной!

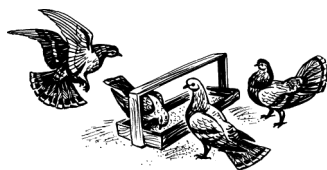
– Так. Правильно! Вы мне подсказали: заплатите за живой вес. Ну а теперь ему нужен ремонт. Он так хорош, как заводская игрушка, что хочется сразу его отремонтировать. Сейчас мы ему сделаем шинку и наложим гипс.

И вот уже с забинтованной ножкой Бемби семенит за мной к Купаве.

– Купава, не обижайтесь и поскорее привыкайте к нашей компании. Ведь дорога в цирк вам предстоит именно в этом обществе: Бемби, вы и я.

Бемби, устав стоять на трёх ножках, укладывается подле меня и изредка просительно толкает мою руку. Крошки хлеба он быстро пережёвывает. Ему нужно молоко, но он здесь пока сам живой завтрак, значит, на кухне мне ничего для него не дадут. Мне становится грустно, что в радость этого дня встречи с Купавой вплелось горькое ощущение, что даже в добром зверином пансионате кому-то нужны живые завтраки. Я пытаюсь снова смотреть на всё глазами сегодняшнего утра, но у меня это не получается. Нужно что-то сделать, что-то совершить, чтобы снять налёт подавленности. Я беру Бемби на руки и тихонько прокрадываюсь к вольеру с дикими голубями. Быстро их серое облачко взлетает над головой, потом рассыпается по карнизам зданий, окружающих нас.

Я провинилась. Я тоже преступник, как и доктор. Ведь мы обе знаем, что в природе есть хищники, есть свои жестокие законы. Знаем, но хотим забыть, отместить в сторону, потому

что на чудо – Бемби мы смотрим глазами человека, а не питона. Мне хочется, чтобы морская львица почувствовала ко мне доверие, но прежде всего я должна стать для неё привычным предметом, как стенки клетки, тумба, на которой она сидит. Она чувствует пока только мою руку с кормом. Лишь потом к ней приходит безбоязненность, а я начинаю свободно двигаться и становиться для неё человеком-другом.

Стайка сизарей теперь осмелела и превратила небо над звериным пансионатом в свой собственный вольер. Вольер без проволочной сетки. И это было так естественно и хорошо, что я забыла про живые завтраки, как будто их не существовало, а подумала, что сегодня моя семья увеличилась, мы с Лелем должны оберегать и растить: он – свою подружку Купаву, морскую львицу с берегов Калифорнии, а я – горноалтайского косулёнка Бемби, который обязательно будет прочно стоять на четырёх лаковых копытцах.

Журик и Индя

Маленький косулёнок Бемби был незаконным членом нашей семьи, которую поселили до начала наших выступлений в минском цирке.

Здесь мы должны были репетировать. Цирк новый, каменный, огромный, и мои зверюшки в его большом вольере выглядели маленькими, жалкими. Из будки электроцепа, что находилась далеко наверху, с высоты шестнадцати метров они едва различались на манеже, точно на них смотрели с борта самолёта. Быть может, поэтому в них не поверил и невзлюбил их директор цирка.

– Какие там морские львы – козавки самые настоящие. Пока что зрители к нам приходят с биноклями, а не с микроскопами. А возни, возни сколько! Бассейн закажи, рыбы найди и прочее, прочее. Между тем этот «мировой» аттракцион пока детский сад, да и то не районного масштаба. Найдите мне зрителя, который их полюбит, которого они удивят. Зритель – это человек, а не инструкция! – Директор был очень важный, он не шагал, а вышагивал по конюшне, да и сам был под стать огромному каменному цирку.

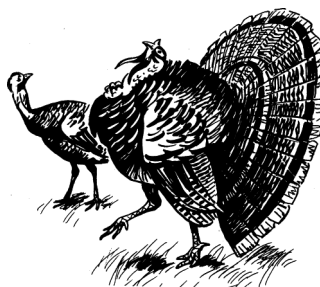
Часто, приходя в его кабинет по делам, я сама чувствовала себя маленькой и ненужной, видя своё отражение в его чересчур массивных зеркальных очках. Наверное, поэтому и не решилась рассказать ему про Бемби. По утрам мы шли с Бемби за цирковую изгородь, и здесь, на берегу реки Свислочи, он пасся и развивал свои ножки. Гипс уже был снят, но осторожность, с которой косулёнок прыгал, меня расстраивала.

Ему нужны были витамины и корм, за ними я всегда отправлялась по воскресеньям на рынок. Шумный, пёстрый, говорливый, он был полон неожиданностей. Здесь я, купив зелени, вдруг увидела то, чего давно не встречала. Спутанный сеткой ворох нежно-серых, с бронзовым отливом перьев и над ним спокойная голова индюшки. Рядом стоял очень важный, надутый индюк, чёрный, с головой, похожей на отцветающий мак, на котором случайно задержались, повиснув вниз, два ярко-пунцовых лепестка.

– Солоньский индюк! – вырвалось у меня восхищение. – Вы сделали чудесную покупку, – обратилась я к мужчине, любовно гладившему индюка.

– О нет! К сожалению, нет! Мы расстаёмся. Я должен их продать, но каждый раз мне не нравятся покупатели. Может быть, это жалость, что расстаюсь, а может, страх, что в них увидят просто не то, что видел я, два года воспитывая их дома. Я хочу продать их в добрые руки. Конечно, не на мясо, а для разведения. Индюшка – великолепный домашний инкубатор.

– Живой инкубатор! Что вы говорите – это интересно!

– Да, представьте себе, я пробовал ей подкидывать куриные яички, и вместе с индюшатами появлялись цыплята. Она ко всем была равна и заботлива. Индя – очень хорошая мама. «Пппытодырррат!» – раздался странно громкий строгий голос.

– Журик! Журик! Опять коришь меня за рынок. – Мужчина растерянно обернулся к индюкам. – Так четвёртое воскресенье. Позагораем в этой сутолоке несколько часов и идём к себе за окраину. Понимаете, я бы никогда не расстался с ними, если бы не переезд. Домишко старенький, уже подготовлен под слом. Семья моя переехала, а я вот из-за них ючусь в сенцах. Дом пуст, даже рамы с окон сняты. Мешаю, так сказать, плановому сносу негодных строений. Домашние правы: они уверяют, что я сам стал упрямым индюком. Но я очень к ним привязан. А взять их на седьмой этаж, на балкон... Это невероятно, да и никто не разрешит.

«Пппытодырррат!» – подтвердил индюк.

Я вслушалась в его шипящий возглас и подумала, что начинается он, как вспышка.

«Пппытодырррат!» – Индюк стал раздуваться, шея его победоносно изогнулась, и он пошёл прямо на меня. Нет, не шёл, а вышагивал, точь-в-точь как директор цирка.

– А мне вы не продадите их?

– Зачем?

– Я попытаюсь из них сделать артистов.

– Вы что же, из цирка?

– Да.

Мужчина замялся. Потом, пристально оглядев меня, сказал:

– Не сердитесь! Но я хотел бы знать, как они будут жить. Моё желание таково: я провожу их к вам, если ваш дом им подойдёт, я отдам Журика и Индю. Отдам без всяких денег. Я слишком привязан к ним, чтобы... Привязанностями не торгуют. Верно? Пусть, – он брезгливо поморщился, – без денег. Мне хочется, чтобы вы их полюбили. Но я должен в этом убедиться.

Мы идём по главной улице. Я и добрый человек, у которого на руках спокойная Индя и рядом Журик, привлекающий внимание прохожих.

– Про меня соседи говорили, что я из него собаку сделал. Правда! Он по-собачьи верен мне. Когда я приходил с работы, Журик меня ждал и уже до позднего вечера не отходил. Имя своё он получил из-за характера. Иногда обидится, вспыхнет, а потом долго-долго журит – распекает меня или Индю. Так и стал Журиком. Он добр. Почему-то все убеждены, что индюков надо бояться и они ужасно злые. Как видите, идёт рядом без поводка и принуждения, идёт, потому что я иду. А где-то в Америке есть дикие, совсем дикие птицы индюки. Они родом оттуда. Когда была открыта Америка, тогда и завезли к нам в Европу индюков. Они, когда маленькие, очень капризные. Если простужались, я им натирал водкой лапы. Это истари, говорят, помогает. – Мужчина неодобрительно посмотрел на пошатывающуюся фигуру застывшего в недоумении перед нами прохожего и добавил: – Да, хороша водка для лечебных целей, а для других... вот вам пример, – указал он на пьяного.

– Вы зоолог?

– Нет. Профессия моя обычная. Я участковый милиционер. Знаете, родился в лесу, в Беловежской Пуще. Интересуюсь природой. Ведь без понимания и любви к меньшему брату, зверям и птицам, невозможно стать уверенным в себе, что ты сам человек да и другим помогаешь найти правильную дорогу.

Как просто и как прекрасно он это сказал. Я с уважением и благодарностью принимала от него подарок – Журика и Индю. И была, конечно, в ответе перед этим большим скромным человеком за судьбу птиц и за то, что будут они делать в цирке.

Я знала, что именно Журик поможет мне обрести в директоре цирка друга. Нет, он не должен его распекать, а, шутя скопировав, заставит, быть может, взглянуть на моих питомцев не с высоты шестнадцатиметровой будки электроцеха, откуда пока они кажутся ничтожными, а глазами человека, который был хозяином индюков и умеет не только видеть, но и предвидеть добро вокруг.

Итак, наутро я уже с плотником мастерила две бутафорские двери. Потом написала табличку «Директор» и повесила её на первую дверь.

– Значит, кем же тебе придётся стать? Бюрократом! Не ожидал? Это пока первая твоя роль. Надуваться и шипеть ты умеешь. А вот танцевать вальс – нет. Давай попробуем.

Я набираю в ладонь творог и заставляю за движением своей руки следовать Журика. Где важность, где сановитая походка? Всё вмиг исчезло при виде лакомства.

– Вальс! Вальс! – приговариваю я.

Два слова «вальс, вальс» – и вслед за этим протянутая рука с творогом. Сникший, будто спущенный баллон, он мелко семенит в вальсе, стараясь получить творожную крошку. Когда серенькая Индя тянется тоже к моей руке, Журик мгновенно надувается, и воинственно раздаётся: «Пппытодырррат!»

– А ты всё-таки эгоист. Пока сам не съем, другому не дам. Нехорошо! Для жизни нехорошо, а для работы просто прекрасно. Мы это обязательно используем. Индя будет играть меня. Индя – рядовая артистка. Она идёт на приём к тебе просить помощи в работе. А ты, Журик, – директор. Вот на этой двери написана твоя должность, а на этой – табличка «Выход». Там, где «Выход», всегда будет стоять плошка с творогом. Чтобы вдоволь полакомиться, ты обязательно надуешься и прогонишь Индю, а мне это и нужно. Прогнав Индю и съев горсточку творожка, ты надуешься опять, обидевшись, что в плошке мало вкусного творога, и будешь недовольно разгуливать, ожидая меня. Теперь появлюсь я, твоё начальство. Вот здесь и нужен мне твой чинопоклонный вальс. Раз бюрократ, то и до подхалима недалеко.

Вскоре сценка была готова. Только увидев её, я поняла, что пародия выглядела слишком злой и к директору цирка отношения не имела. Здесь было много несправедливого. Разве не он обеспечивает рыбой морских львов и терпит присутствие незаконных членов моей семьи, совсем ничего общего не имеющих с моржом и морскими львами? Нет, нельзя показывать директору злую шутку. Придётся творог накладывать на микрофон и сделать Журику другую роль. Он – прирождённый конференсье. Пусть его вспыхивающий возглас «Пппытодырррат!» разносится по цирку, оповещая начало нашего выступления.

А про злую шутку мы забудем. Но если вдруг – всякое может случиться – она потребует, то я обязательно попрошу Журика показать эту сценку.

Чичи – доброе сердце

Чудеса начались с утра. Какой-то гул голосов, доносящихся из-за кулис, мешал мне сосредоточиться. Животные, тотчас это почувствовав, занялись самодеятельностью. Кто во что горазд.

– Пустите!

– Не пущу!

– Не имеете права! Ах так!.. Я докажу! Она честная! Ишь выдумали! Воровка! Каково?! – доносился рассерженный скрипучий голос.

Потом занавес распахнулся, и передо мной появился старик.

– Скажите, где здесь Дурова?

– Что случилось?

– Как что? И вы ещё спрашиваете! Честную обезьяну называют воровкой – и где? В цирке! Стыд! Позор! Никакого понимания. Да моя Чита – это кристальный образец обезьяней честности! Ей цены нет. Впрочем, есть. Сто рублей. Берёте?

Старик наскоком оглушил меня своей речью. За пазухой у него что-то ёрзало и копошилось.

– Она ещё мала, но вырастет и будет очень большой, как в фильме «Тарзан». Это настоящий человек! Её наказываешь – она плачет. Я бы с ней никогда не расстался. Обстоятельства! Да-с... Итак, сто рублей. – Он покачал головой и отстегнул верхнюю пуговицу у пальто, потом у пиджака, и оттуда выглянула с детский кулачок мордочка с хитрыми глазами.

Казалось, она ничего не заметила, кроме лестницы, поэтому шумно, словно пружина, которую отпустили, взвилась и повисла на верхней перекладине лестницы, держась на хвосте.

– Прорвался! Вот дотошный старик! Мы его к вам не пропускали. Уж так получилось...

– Именно эти люди, охраняющие цирк, бросили Чите такое чудовищное обвинение: воровка!

– Ещё бы, за полчаса ограбила всю проходную! – засмеялся дежурный. – Вы проверьте, всё ли у вас цело?

Старик подслеповато жмурился, пытаясь без очков разглядеть, где обезьяна.

Теперь пришёл мой черёд рассмеяться: носовой платок, карандаш и красная пуговица от халата – всё это было в чёрных ладошках обезьяны, а задней лапой она цепко держала очки своего хозяина.

– Вашей Чите лап не хватает для награбленного имущества, вот она и висит на хвосте, – заключил дежурный.

Я смотрела на уморительную обезьянку, она принадлежала к виду зелёных мартышек.

– Мне не нужна обезьяна, – обратилась я к старику.

– Как это – не нужна? Вы же Дурова! И вы ещё смеее утверждать, что вам не нужна обезьяна? Не поверю! Она прирождённая артистка, и даже с определённым уклоном: обезьяна-фокусник. Смотрите!

Он снял с ноги старомодный ботинок. Обезьяна тотчас впрыгнула туда, и ботинок, как в сказке, пошёл сам.

– Фокус, да?! Хватит! Вылезай! То, что она делает, – это вовсе не называется воровством, это, по-вашему, в цирке должно называться манипуляцией: ловкость рук – и никакого мошенничества! Тем более что она почти всё возвращает. Значит, вы берёте обезьянку?

– Н-не-ет, – протянула я, озадаченная тем, что не могу оторвать взгляда от хитрой мордочки. – Зелёная мартышка никогда не бывает крупной, большой обезьяной, а такую никто не увидит с огромного пятака манежа.

– Что вы! Чепуха! Она кого хотите заставит себя разглядеть. Тут и говорить нечего. Она ваша, отдаю за полцены. Послушайте, ну войдите же в моё положение: я старый человек, был адвокатом, теперь солидный пенсионер и не могу никому доказать, что обезьяна занимается фокусами. Соседи, знакомые, друзья шарахаются от меня в сторону. Я уже для них даже не свидетель кражи, а нечто вроде опытного жулика, обучившего свою обезьянку для отвода глаз делать за меня грязную работу. Смешно? Это вам смешно, а каково мне? Когда я её прощаю, эта преступница взбирается мне на плечи и выражает свой восторг тем, что издевается над моей усталой головой, выискивая там каких-то насекомых. Ну как вам это нравится?! Она создана для цирка, но не для коммунальной квартиры с общим счётчиком, который тоже не миновал её лапок. Так что отдаю её вам за десять рублей. Согласны? Я плачу штраф за счётчик, а вы берёте её на поруки. Подержите цепочку, я покажу вам бумагу, написанную домоуправлением. Ну посудите, не пропадать же мне из-за её дурных наклонностей?

Едва я взяла цепочку и обернулась к обезьяне, как старик бесследно исчез. Нигде в цирке его не было. Чудеса! Он растворился на глазах. Дежурный сказал, что он сбежал, а я уже хотела поверить в чудеса, если бы не Чита, уже переименованная мною в Чичи, сидящая на другом конце поводка, который я держала в руках.

Так и очутилась в моей гардеробной обезьянка Чичи, занявшая место на подоконнике. Она шурилась на яркий свет уличного фонаря и переходила за тенью к другому уголку окна. Цепь, которой она была теперь привязана к батарее, мелодично постукивала в такт её движениям.

Наблюдая за ней, я облегчённо вздохнула: это хорошо, что она не скучает по хозяину и ведёт себя спокойно, с интересом разглядывая каждый предмет. Каша, яблоко и апельсин были съедены ею с удовольствием. Я притворила дверь и спустилась вниз, за кулисы, к морским львам. Через полчаса – представление.

– Наталья Юрьевна! Что-то случилось с горячей водой. Совсем не идёт. Рыбу не сможем разморозить, – обеспокоенно встретили меня работники нашего аттракциона.

– Нужно позвать слесаря, и поскорее!

– Да они не идут: у них тоже чрезвычайное происшествие – что-то случилось с вентиляцией.

Я побежала к инженеру цирка.

– Очень прошу вас, у нас нет горячей воды. Мы не успеваем к представлению. Помогите!

– Вряд ли будет представление! Ничего не можем понять: отказала вентиляция. Вся система в порядке, а в вытяжной трубе будто домовые сидят и развлекаются. Поверишь и в чудеса здесь, в цирке. Ну что ж, пойдём проверим воду. Кто-то, видимо, перекрыл вентиль в гардеробной.

Ни в одной гардеробной неполадок не обнаружилось. Оставалась моя.

– Только не пугайтесь: там у меня новенькая артистка! Прошу вас... Чичи! – вскрикнула я, увидев оборванный конец цепочки, но обезьяны нигде не было.

– Ваша новенькая, случайно, не обучалась по слесарному делу? Ишь как вентиль закрутила! И без ключа, главное.

– Но где же она? – Я растерянно оглядывала гардеробную.

Обезьянка исчезла.

– Где? В трубу вылетела! Смотрите, куда ушла, а я домового вспомнил.

Под самым потолком зияла дыра, а решётка от вентиляции валялась на полу.

– Что же делать? Как её достать?

– Ваше животное – вам виднее.

– Да ведь она новенькая! Она меня ещё не знает.

– А как безобразничать, она знает?! Весь цирк на ноги поставила. Ловите её! И нечего церемониться!

– Легко сказать!

– Мы её сейчас холодным воздухом оттуда выгоним.

– Только не это: она простудится.

Передо мной чертежи, план цирка. Я живу и работаю в чудесных новых цирках и только сейчас, глядя на эти чертежи, вдруг робею, понимая, какие сложные системы механизмов поддерживают в них мою работу и жизнь. Цирк вдруг для меня стал другой, ещё незнакомой планетой, куда в железные дебри джунглей сбежала тоже ещё мало мне знакомая, но уже моя обезьянка. Я тотчас вспомнила про её дурные наклонности. Мысли мои были точно перепутанный клубок ниток: начало представления, вода, рыба – и беглянка Чичи.

«Погоня за преступником! Погоня! Вам даётся сорок минут».

Блуждая по куполу циркового чердака, с каждым ударом гаечного ключа по трубе я отсчитываю минуты.

– Здесь! – указывает мне инженер на круглую трубу в алюминиевых заклёпках.

– Труба разбирается?

– Пока мы её разберём!.. Это невозможно. Вашу артистку нужно выманить чем-то сверху.

Мой взгляд падает на карманный фонарик. Верёвку можно привязать к нему и опустить в трубу. «Удочка» готова. Опускаем. Ждём.

Никакого движения. Только бы проявились её дурные наклонности! Ещё пять минут... Никакого движения.

– Э! Вы же не умеете ловить рыбу! – Инженер выхватил у меня верёвку и стал крутить её, словно ёжиком чистил бутылку из-под кефира.

Из трубы слабо донёсся какой-то звук, и верёвка натянулась.

– Ключнула! Подсекаю! Тащите же!

Вместо сачка – мой халат.

– Попалась?

– Да! – перевожу дыхание, отвечая инженеру.

В халате барахтается Чичи, неожиданно ставшая трубочистом.

В гардеробной я прихожу в ужас от её вида. Не то чёрная, не то серая, со слипшейся шерстью, она беспрестанно чихает и каждый раз при попытке стряхнуть с себя пыль начинает точно в ознобе дрожать.

– Я тебя искупаю после работы, а пока привяжу так, чтобы ты уже никуда не сбежала, да ещё и сторожа поставлю. Сама виновата!

Сторожем к Чичи определяю маленькую дворняжку Запятую. Её несколько месяцев назад на реке Свислочи, когда я пасла Бемби, пришлось спасать от мальчишек. Сначала это была весёлая ватага ребят, за которой бежала с заливистым лаем тоже весёлая небольшая собачка. Собачка была смешной, как будто её растянули. Длинное туловище – как у таксы,

уши – как у зайца, на лбу белое пятнышко, и только высоко поднятый пушистый собачий хвост безмятежно махал из стороны в сторону, показывая удовольствие.

Бемби тихо пощипывал травку, а я, надев тёмные очки, стала наблюдать за ребятами и собакой. Вдруг... Нет, этого не могло быть! Это, конечно, мои чёрные очки. Сквозь них померкло настроение всех, кто весело прибежал на берег. Я сбросила их и, не веря своим глазам, всё поняла. Камень, верёвка, наполненные страхом движения упирающейся собаки.

Потом эти мальчики долго приходили ко мне на репетиции в цирк, виновато здоровались и так же виновато просили: «Можно нам ещё прийти в гости к Запятой?» Я знала, тон их и смущение шли оттого, что четверо мальчишек и сами не могли теперь понять: как, когда, зачем возник нелепый спор, который мог привести собаку к гибели, а их четверых – к жестокости, уже вряд ли позволившей поселиться рядом чувству вины и жалости к кому бы то ни было.

Сегодня я сразу вспомнила о Запятой, потому что она пока ни в чём не была занята, но, находясь подле меня, старалась сторожить всё: животных, вольер, гардеробную. Исполняла свои вольные обязанности Запятая с таким рвением, будто этим пыталась отблагодарить меня за спасение.

– Сторожи! – приказываю Запятой, а сама, волнуясь, иду на работу в манеж: как они все будут реагировать друг на друга?

По возвращении в гардеробную я не верю своим глазам. В углу на коврике, свернувшись в клубок, дремлет, закусив повод от обезьяны, Запятая, а на ней восседает Чичи, выискивая в гладкой шерсти собаки то, чего не могло никогда быть у чистой и холёной Запятой. Вокруг них на полу десятки грязных обезьяньих следов.

Знакомство состоялось. И когда с трудом вымытую Чичи я снова посадила на коврик, в подтверждение моих мыслей Запятая стала слизывать с обезьянки капельки воды, а та, податливо прижавшись, грелась о свою уже признанную подружку.

Они сами, играя, подсказывали мне работу, с которой я собиралась выпустить их в манеж. Часами иногда я наблюдала их игру, пытаюсь в возне найти необходимые движения для трюков. Особенно смешной выглядела их борьба. Чичи поднималась на задние лапы, тотчас то же самое делала Запятая, и целый шквал ударов волосатых кулачков обрушивался на ворчащую, с раскрытой пастью собачью голову. Ах, если бы это закрепить да ещё выделить рамкой боксёрского ринга, был бы великолепный номер – «Обезьяно-собачий бокс». Каждый раз, когда они, наигравшись, обе уставали и Запятая, тяжело дыша, падала в изнеможении на пол, Чичи, не церемонясь, брала собаку за хвост и укладывала так, как это нравилось именно ей, а не собаке. Вот это и могло стать финалом для их бокса.

Однако это было единственное проявление обезьяньего эгоизма. В остальном Чичи была очень внимательна и добра к своей приятельнице. Если и отнимала у неё вкусную косточку, то только для того, чтобы подразнить и услышать лай, визг, а потом начать игривую возню. Обезьянка была очень доброй.

Я сделала для Чичи и Запятой большой решётчатый вольер, в который поместила домик, где они могли спать. Там же, в вольере, были две столовые. Наверху – столик для

Чичи, а внизу – мисочки для Запятой. Право, без смеха невозможно было смотреть на их трапезу. Чичи, прежде чем набить свои защёчные мешки, следила, села ли Запятая под её стол. Затем начинала понемногу выбрасывать ей добрую половину своей пищи. Если Запятая на что-то не обращала внимания, она пыталась ей запихивать в рот то апельсин, то яблоко. И я, к удивлению, стала замечать, как у собаки меняется вкус: сухофрукты и семечки с орехами она ела теперь так, как Чичи.

Одно было в их дружбе отрицательным. Чичи ни за что не желала отпускать приятельницу на прогулки. Четыре раза в день из моей гардеробной доносились истерические вопли.

– Наталья Юрьевна, – сетовали работники, – ну придумайте же что-нибудь! Ведь из-за собачонки она готова нас всех перекусать.

Зелёная с серебром шерсть Чичи, как ковыль, вставала дыбом, вздрагивала, словно от сильного ветра, и не приглаживалась до тех пор, пока в дверях не появлялась Запятая. О, как быстро гуляла в цирковом дворе моя Запятая, каждый раз стремясь поскорее вернуться домой, в вольер! Я радовалась всё растущей привязанности двух столь разных существ и, видимо, слишком легкомысленно отнеслась к прогулкам Запятой. И этого я долго не могла простить себе...

Трагедия произошла утром. В цирковом дворе на Запятую напали тонконогие, с вытянутыми, длинными мордами борзые. Она одна, а их четыре. Четыре хищных, злобных. Клубок, омерзительный клубок чудовищ, рвущих маленькую добрую собаку. Чей-то крик во дворе:

– Несчастье! Борзые напали на собаку!

А наверху я не слышу крика, сидя возле Чичи в гардеробной. Хозяин борзых репетирует своих пони в манеже. Ему кричали, а он, спокойно отмахнувшись, ответил:

– У меня репетиция. Чья собака? Дуровой? Пусть сама разбирается. Чужая беда, не моя. Мне некогда, я репетирую.

И это мог сказать человек?! Так поступил дрессировщик, работающий со мной под одним куполом?! Равнодушие артиста погубило мою Запятую, погубило мою работу нескольких месяцев. Больше нет смешного бокса, но об этом я не думаю, теперь главное – спасти Чичи! Она ничего не ест, и в её застывших горестных зрачках я всё время вижу умирающую Запятую... Чичи не хотела расставаться со своей первой привязанностью. Сколько дней раздавались её крики, сколько дней неподвижно, нахохлившись, сидела она у решётки, ничего не ела, даже насильно не принимая пищу. Чичи слабела. Я брала её на руки, выносила за кулисы, во двор. Жалкая, сломленная горем фигурка обезьяны была живым укором равнодушию и жестокости, которые и я приняла как удар.

Сегодня – собака, завтра случится беда с человеком, и такой хозяин борзых не придёт на помощь. Нет, мы с Чичи ищем в цирке других людей, которые близко принимают к сердцу любую боль, не считая её чужой.

Девочка-гимнастка подарила обезьянке куклу.

– Чичи! Чичи! Нужно жить! Как мне снова заставить тебя кушать и играть? Смотри, какая кукла. Ты ведь даже и не знаешь, что такое кукла по-цирковому.

К – кукла,

У – умеющая

К – казаться
Л – любимым
А – артистом.

Не нравится тебе кукла. Тебе нужно живое тепло.

И я решаюсь взять новую собачку. Какую угодно, только чтобы она смогла вселить в меня надежду, что Чичи будет жить.

Нам принесли артисты щенка. Он ещё плохо стоял на лапах, дрожал над миской с молоком. Но в Чичи что-то встрепенулось, и вот уже слабые ладошки забегали по бурому ворсу непородистого щенка.

– Назовём его Дадон. По лапам вижу – будет большущая дворняга, – решила я.

Снова в вольере Чичи с собакой. Снова весёлая возня, и только однажды я решила проверить верность Чичи и громко позвала:

– Запятая, Запятая!

Обезьянка прижалась к решётке, замолкла, и в её глазах я заметила то выражение ужаса, которое, невзирая ни на что, теперь присутствовало в ней постоянно.

Чичи по-своему занималась воспитанием нового друга. Учила открывать замок на вольере, перекармливала так, что даже неуклюжие большие лапы казались случайно приделанными к непомерно раздутому туловищу. На прогулку теперь они выходили вместе. И я придумала для Чичи новую работу. Перед тем как в манеже появится морж, Дадон, впряжённый в коляску, вывезет Чичи на манеж, а в руках у неё будет плакат: «Внимание! Внимание! Морж».

Да, только ей я могу доверить плакат, оповещающий о новом сюрпризе для зрителей. Ведь она сумеет привлечь внимание потому, что у неё доброе и верное сердце!

Новенькая

Я познакомила вас, ребята, с Чичи. А ведь с неё началась школа для зверей и птиц. Впрочем, послушайте...

Есть такая школа, где вместо крыши – купол, вместо пола – опилки, а класс – круглый манеж, обрамлённый барьером.

Эта школа находится в цирке, и, чтобы попасть в неё, нужно сначала стать пригоготовленной в классе, который называется нулевым.

А вот мои питомцы: грач Кара, обезьяна Чичи и собака Дадон.

Сегодня им выпало испытание: в классе новенькая.

Откуда она взялась и как попала в цирк, для меня пока загадка. Может быть, её заманил тёплый пар из люка, смешанный с запахом цирка?

Только прибежали ко мне дети и наперебой стали говорить:

– У вас из цирка сбежала лисичка!

– Лисичка? Да нет, ребята, у меня все на своих местах.

– Вы ошибаетесь. Поглядите: она спит под ёлкой, у самых ворот.

Посмотрела: действительно лисичка. Но конечно, не моя, а чужая.

«Что же с ней случилось? – подумала я. – Почему не кусается и на руки спокойно идёт?»

Она рыжая-рыжая, с песочными боками и чёрными ушками. Степная лисичка. «Назову-ка её Дымкой», – тут же решила я.

Хорошо, что собака Дадон и обезьяна Чичи не умеют разговаривать, а грач Кара знает по-человечески всего два слова: «Доброе утро». А то бы непременно услышала Дымка дразнилку: «Рыжий, рыжий, конопатый...»

Представила её рядом с Дадоном, Чичи, Карой.

Что ж, мой нулевой класс пополнится новой ученицей!

Стул, стол, блюдечко с молоком были ей хорошо знакомы.

На ночлег она устроилась в шкафу. Здесь, среди театральных костюмов и афиш, выбрала себе укромное местечко.

«Лисичка пришла не из леса», – подумала я.

Наступило утро. Первым проснулся грач Кара. Расправил крылья, собрал их и стал чистить перышки, старательно укладывая их одно к одному.

Его утренний туалет меня всегда восхищал.

Но сегодняшний день начался необычно. Грач увидел Дымку. Она смотрела на него своими янтарными глазками.

«Карр-карр!» – издал он воинственный крик.

Дымка стремглав прыгнула на стул, где лежал плед. Но вдруг плед зашевелился. Из-под него выглянула рассерженная обезьянья мордочка.

«В чём дело? Что случилось? Кто нарушает мой покой?» – казалось, хотела сказать Чичи.

Спросонок она не выпускала из ладошек концы пледа, на котором чётко выделялись её чёрные, словно семечки, ноготки.

Они, эти ноготки, обычно приводили грача в замешательство.

«Не приклеила ли ловкая Чичи к своим пальчикам его любимый корм?» – казалось, думал Кара и тут же проверял ноготки клювом.

Ноготки и хвост были постоянной причиной их раздоров.

Когда Чичи обвивалась хвостом вокруг качелей, поддерживая себя, Кара невозмутимо, словно то была ветка, взлетал на хвост и раскачивался. Чичи сердилась, призывая на помощь Дадона. Тот с громким лаем бросался на выручку.

И сейчас обезьяна сморщила губы, завизжала, разбудив Дадона, дремавшего рядом. Он вскочил, сердито залаял.

И вдруг увидел новенькую.

Дымка, не растерявшись, в одну секунду оказалась в шкафу, притаилась, замерла. Её легко можно было принять за оторвавшийся воротник моей шубы.

Чичи по-обезьяньи пронзительно закричала, впадая в истерику. И тотчас же Дадон поспешил доказать свою преданность.

Дымка вскочила и, чувствуя свою незащищённость перед незнакомцами, решила перейти в наступление.

Чичи прижалась ко мне, вздрагивая от страха.

Кара благоразумно уселся на шкаф.

Кто окажется храбрее: Дымка или Дадон?

Поединок пока не требовал вмешательства.

Лисица атаковала ловко и быстро, загоня собаку в разные углы. То припадая, то вскакивая, она неожиданно повисала на Дадоне. И гордый крючок собачьего хвоста сначала разогнулся, а потом стал опускаться всё ниже и наконец поджался.

Поджатый хвост, признак трусости, заставил лисицу ещё раз ринуться вперёд.

Вперёд! Ещё бросок!

И тут мне стало мерещиться самое неприятное: бедняга Дадон покусан.

Однако ни единого клочка шерсти на полу не было. А глаза лисицы наполнены не злобой, а задором и радостью.

«Для Дымки это не драка, а задорная игра», – решила я и успокоилась.

Признав Дымку победительницей, Дадон устроился на диване в углу. В другом конце улеглась Дымка, чувствуя себя хозяйкой положения. Знакомство состоялось.

А как же занятия в школе?

Отложим их до другого раза. А сегодняшний день начнём с перемены. Чичи и Кара останутся дома. А Дымка с Дадонем выйдут со мной на прогулку в цирковой двор. Надо закрепить их примирение.

Так мы и сделали. Дымка спокойно отнеслась к поводку, пошла рядом с Дадонем.

Я оглянулась на окно гардеробной. Там обозначился силуэт обезьяны. Кара был где-то рядом.

Вдруг Дымка рванулась в сторону машины, стоявшей во дворе. Не дав мне опомниться, она вспрыгнула на багажник, стала что-то искать. Рядом присел растерявшийся Дадон.

Мне стало грустно. Нет, Дымка не дикарка, случайно попавшая в город. Здесь, где-то рядом, под тёплой крышей, живёт добрый человек – хозяин нашей новенькой.

«Как знать, может быть, завтра опустеет её место в классе?» – подумала я.

А Дымка, словно почувствовав моё настроение, ткнулась мне в щёку тёплым носом, и я, прогоняя сомнения, поспешила вернуться в школу на урок.

Невкусная отметка

В нашей школе почти всё как в настоящей. Посудите сами, сейчас мои ученики готовы к уроку: обезьянка Чичи восседает на стуле, собака Дадон и лисичка Дымка располагаются на полу, а грач Кара – на столе, рядом со мной.

Грач Кара – наш классный староста. Он даёт звонок. Звонок у нас, конечно, простой, не электрический.

А сегодня Дадон дежурный. Застыв по стойке «смирно», он отвечает, сколько в классе учеников: «Гав, гав, гав, гав!» Вы поняли, ребята? Все четверо на месте.

– Прекрасно! Дежурство ты начал хорошо. А сейчас ответь нам: сколько будет дважды два?

Лай замолкает. В глазах Дадона появляется жалкое, просящее выражение. Он растерянно ищет ответ.

Хитрая лисичка Дымка тут как тут. Она соскочила со стула, подбежала к бедняге Дадону. Неужели Дымка хочет подсказать ему?

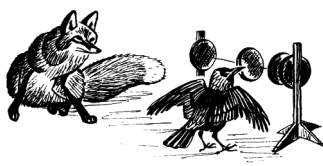
Я делаю вид, будто ничего не замечаю. А сама думаю: кто же из моих учеников справится с арифметическим заданием?

– Кара, может быть, ты ответишь?

Грачишка подлетает к счётам, и его ловкий клюв, чётко цокая, отбрасывает четыре колечка.

– Что же, Кара заслужил пятёрку – самую вкусную отметку.

«Разве отметки бывают вкусными?» – спросите вы. Не удивляйтесь, ребята, отметки у нас особые: они разноцветные и ароматные. Разноцветные не потому, что двойка и кол могут быть написаны другими чернилами, чем пятёрка. Нет, нет, отметки у нас – лакомые кусочки еды. Для грача – яркий глазок желтка, для Чичи – оранжевая долька апельсина, для лисички – серебристая рыбка, для Дадона – душистый кусочек отварного мяса. Так выглядят пятёрки. Ну а самые плохие отметки, двойки и колы, выглядят, я думаю, вы уже догадались как: вместо желтка – скорлупка от яйца, вместо апельсина – лишь апельсиновые корочки, вместо рыбки – рыбий жир, вместо мяса – косточка от вчерашнего обеда.

Уж как старается Дымка! И за себя ответит, и отстающим поможет.

Если бы беспечный Дадон равнялся на Дымку, то не оставался бы с обглоданной косточкой и... без хвоста. Нет, нет, хвост у него прекрасный, пушистый. Более того, по хвосту легко узнать, какую отметку получил он. Если пятёрку – хвост тотчас же превращается в свежее испечённый бублик, а если двойку – хвост исчезает.

Кара громко радуется желтку и на весь класс повторяет ответ: «Кар, кар, кар, кар». Дымке не сидится на месте, но она терпеливо объясняет Дадону.

Я наблюдаю за Чичи. Ей скучно, и она выбивает на счётах барабанную дробь, совсем не думая о математике.

– Чичи, сколько будет дважды два?

Вместо счётов Чичи хватает цветок – и лепесток за лепестком выпадает из её быстрых пальчиков.

– Чичи, у нас урок математики, а не природоведения. Не гадай на лепестках. Возьми счётные палочки и будь любезна отвечать: сколько будет дважды два?

В её цепких лапках они тотчас перестают быть школьным пособием. На моих глазах целый град из пластмассовых палочек обрушивается на притихший в недоумении класс. Все бросаются врассыпную. А Чичи, зацепившись хвостом за ножку стула, следит за нами своими быстрыми глазками.

Я пытаюсь всех успокоить и подзываю к себе Дымку. Чичи тотчас оказывается рядом со мной, хватается очки и становится такой серьёзной, что мне и самой неясно, кто из нас учитель. Конечно, шалости с обезьянней лихостью преподаёт Чичи. А мне остаётся продолжать урок.

– Дымка, покажи на счётных палочках ответ, – говорю я.

Дымка поднимает четыре палочки и передаёт мне.

– Правильно. Молодец, Дымка!

Дадон внимательно наблюдает за нами.

– Может быть, и ты усвоил урок? – спрашиваю его.

«Гав, гав, гав, гав, гав!» – звонко лает Дадон.

– Вот как! Дважды два – пять?

Дадон в знак согласия завилял хвостом.

– Увы, Дадон и Чичи, придётся вас сегодня наказать. Вы получите невкусные отметки.

Сегодня Дадон заслужил двойку. Не по вкусу ему обглоданная косточка. Но что поделаешь? Я ещё раз обвожу глазами четвёрку своих учеников, жалею в глубине души незадачливого Дадона и неожиданно для себя замечаю: вид у моих отличников – рыженькой Дымки и чёрного Кары – невесёлый.

Теперь я знаю: Каре и Дымке сообщилось состояние Дадона, моё огорчение, и они обязательно помогут ему в следующий раз получить вкусную отметку.

Чрезвычайное происшествие, или Чичи-проказница

Хочу я рассказать вам, ребята, о чрезвычайном происшествии в новом казанском цирке, где я была на гастролях со своими питомцами. Но сначала о самих питомцах.

Моим младшим школьникам-проказникам – обезьянке Чичи, собаке Дадону, грачу Каре и лисичке Дымке – скоро, очень скоро предстоит выступить на арене. А пока они учатся в цирковой школе. Нелегко научить птиц и зверей соблюдать порядок на уроке, много раз повторять одно и то же, прежде чем на вопрос: «Сколько будет дважды два?» – каждый из них по-своему ответит: «Четыре».

Представляете, грач скажет человеческим голосом: «Урок начинается», а Дымка, Дадон и Чичи будут вслух решать арифметические примеры и с умным видом «изучать» букварь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.